

3. Ницше Ф.В. Казус Вагнера: Сборник эссе / пер. с нем. Н. Полилова, Я. Бермана. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 192 с. – ISBN 5-91181-464-9.
4. Ницше Ф.В. Падение кумиров: Сборник / пер. с нем. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 224 с. – ISBN 5-91181-364-2.
5. Ницше Ф.В. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего / пер. с нем. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 240 с. – ISBN 5-91181-042-5.
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. – М.: Попурри, 1999. – Т. 2. – 832. – ISBN 985-438-346-6.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.; Т. 2 / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

М. Ю. Смирнов

Религиоведение как призвание и профессия

Название этого текста прямым образом отсылает к знаменитым докладам Макса Вебера, сделанным в Мюнхенском университете на исходе 1918 г. – «Политика как призвание и профессия» и «Наука как призвание и профессия» [1]. Ключевое слово «Beruf» в обоих названиях переводится и как профессия и как призвание (Wissenschaft als Beruf – так это стоит в первой публикации 1919). Употребив двузначный термин Вебер как бы подчеркнул обусловленность профессиональной деятельности каким-то высшим смыслом, божественным призванием.

В моём собственном лексиконе фразеологизм «божественное призвание» если и присутствует, то как фигура речи, без мистического смысла. И призвание я понимаю не как религиозно инспирированное вдохновение на какие-то деяния, а приземлённое – сродни призыву на службу и необходимости соответствовать социальным и научным требованиям. Но сам ход веберовских рассуждений весьма убедителен и побуждает искать их проекции в разных конкретных видах научной деятельности. Поэтому вполне уместным представляется опереться на данное Вебером название и некоторые его идеи, модифицировав их применительно к интересующей области, а именно – к религиоведению¹. Выражу своё понимание в нескольких положениях.

Первое. Чтобы рассуждать о призвании и/или профессии в отношении к религиоведению, сначала надо бы определить – что понимать под религиоведением. То есть – к чему призвание-то? И что это за профессия такая – религиовед?

¹ Автором использованы отдельные положения неопубликованного его выступления «Религиоведение – призвание или профессия?» на пленарном заседании XV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге (РХГА, 27 мая 2015).

Прямо сказать, уже одна только попытка заявить нечто на эту тему способна ввергнуть в пучину дискуссионных суждений, где все разыскания могут и потонуть. Поэтому пойду по облегченному пути, не перебирая разные трактовки наук о религии, научного изучения религий, исследования религий, религиоведения.

Позволю себе утверждать, что за всеми трактовками стоит одно и то же – стремление понять, с чем приходится иметь дело, когда говорят о религии. Или, по-другому, стремление «ведать», в значении «знать», то, что называется религией. И здесь мы натываемся на обстоятельство, которое уже можно назвать «кошмаром религиоведа», а именно на ужасный в своей простоте и невозможности дать общеубедительный ответ вопрос: что такое религия?

Но допустим, что какой-то ответ на этот вопрос дан. И с этим ответом даже согласно значительное количество ученых людей [4]. Значит ли это, что можно утверждать: религиоведы – это те, кто имеет разделяемое между ними единое научное понимание религии? Добавлю вопросы. Всякое ли изучение религии – это признак именно религиоведения? Или религиоведение – это какой-то особый способ работы с материалом религии? А если выделить такую группу – религиоведы, то что побуждает участников этой группы заниматься религиоведением?

При желании вопросы можно продолжить. Но и названных достаточно, чтобы задуматься: а, действительно, что такое быть религиоведом, зачем какие-то люди занимаются этим странным делом, пришли ли они к такой жизни по призванию или же просто силою обстоятельств примкнули к этой профессии? Такие вопросы бесполезны для, так сказать, конструирования религиоведческой идентичности. А уж применительно к отечественному религиоведению они вообще злободневны.

Второе. При относительно молодом возрасте религиоведения в целом (а возводится начало его становления ко второй половине XIX века) [6, с. 13–25], и при специфичности судьбы его российского извода, именно как профессия религиоведение, по моему убеждению, ничем из ряда вон выходящим не отличается. Рассмотрение религиоведения как профессии необходимо вести так же, как и любой вообще профессии, т. е. исходя из общих свойств профессиональной деятельности, отличающих её от дилетантизма.

Ныне в России «Религиоведение» входит в номенклатуру специальностей и направлений, по которым осуществляется ВПО, есть соответствующий ФГОС, готовятся в аспирантуре кадры высшей квалификации, защищаются кандидатские и докторские диссертации по философии религии и религиоведению. Всё это определённо указывает, что вроде бы есть такая профессия – научно религию изучать.

Несколько лет назад одним московским коллегой из МГУ были предложены своего рода критерии, по которым можно, так сказать, «вычислить религиоведов» [2, с. 3–7]. В вольном пересказе это: наличие ре-

лигиоведческого образования, религиоведческие публикации в профильных научных изданиях, участие в научных конференциях по религиоведению, работа по специальности в профильном учреждении, ну и признание в качестве религиоведа профессиональным сообществом. Добавлю, что если посмотреть научные биографии классиков мирового религиоведения, многие из них – это теологически образованные люди.

Рассуждать, насколько соответствие совокупности указанных признаков реально в наших российских условиях – значит, сыпать соль на раны, поскольку придётся тогда углубиться в сложные перипетии судьбы религиоведения в России, довольно жёсткая дискуссия о чём идёт у нас уже лет восемь, не меньше. Желающих ознакомиться с дискуссией отсылаю к недавно вышедшему коллективному труду: «"Наука о религии", "Научный атеизм", "Религиоведение": актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в.» под ред. К. М. Антонова [3] и полемике вокруг этого труда в научной периодике и сетевых ресурсах. К дискуссии о религиоведении в России я и сам непосредственно причастен [7], поэтому не могу быть полностью беспристрастен и дальше эту тему сейчас развивать не буду.

Но даже если без полемического запала спокойно посмотреть на профессиональную сторону религиоведения, то можно констатировать его превращение в своего рода «предприятие» (т. е. место занятости), для работы на котором требуются, говоря казенным языком, формализованные «знания/умения/навыки». Предполагает профессия и наличие корпоративной среды, пусть даже внутренне раздираемой научными и вненаучными противоречиями.

Третье. Есть парадокс религиоведения как профессии. Возникает он из порыва узнать и понять, т. е. познать. Как всякий научный энтузиазм в социогуманитарной сфере этот порыв *персонализирован*, им охвачены конкретные имярек, со своими личностными особенностями, не всегда позволяющими симпатизировать друг другу, побуждающими к ревнивому отношению по поводу деятельности коллег. Но для реализации познавательных намерений необходима хорошо организованная, регулярная и в чем-то рутинная постоянная работа и *коллективный* способ существования исследователей под эгидой какой-то научной институции.

Я не беру крайние случаи, которые иронично описываются словами «серпентарий единомышленников» или «стая товарищей». Оставим их для кулуаров. Допустим, что с межличностными отношениями всё относительно спокойно и посмотрим на чисто профессиональную сторону дела. Ситуация здесь соткана из качеств разного достоинства.

Если религиоведение претендует на звание науки, оно должно удовлетворять требованию общезначимости, которое выполняется, когда познающий субъект находится на дистанции от познаваемого объекта. Поэтому респектабельность профессии придаёт такое важное качество

как беспристрастность. По крайней мере, религиовед должен держать где-то в подсознании солоновское «ничего слишком».

Безоценочность религиоведения не означает беспредпосылочности. Всякой научной работе предпосланы правила получения научного знания (принципы, методы, организация). Поэтому, конечно, обязательным условием профессии являются научная компетентность, эрудиция и владение исследовательскими процедурами.

В то же время признаем, что профессионалу может быть присуще и пренебрежительное (а то и раздраженное) отношение к дилетантам, самоучкам и, как это принято сейчас называть, к «независимым исследователям».

Наконец, не вредным будет и научное честолюбие религиоведа, хотя трудно найти границу между ним и тщеславием, особенно если исследовательская деятельность постепенно замещается снисканием всяких престижных статусов.

Про статусность я упомянул не случайно. Замечу, что статусы – научные степени/звания, руководящие должности, престижное членство – побуждают к осторожности, к дистанцированности их носителя от живого бытия такого беспокойного предмета как религия, к рассмотрению этого предмета чисто в олитературенной форме, когда источники – это запечатленные в текстах документы либо же труды других авторов, желательны тоже статусных и, в российском случае, зарубежных (чем зарубежнее, тем авторитетнее). Исключения, конечно, существуют. Но по общему правилу статусная персона вовсе и не должна ничего исследовать. Её функция – представлять и самим своим существованием демонстрировать монументальную важность представляемой отрасли (ну и себя самой).

Четвертое. Как профессионал, религиовед выступает в основном в двух ипостасях: исследователя и преподавателя; в обоих случаях он может быть востребован и как эксперт. Здесь возникает ещё одна коллизия. Как исследователь религиовед должен быть напорист в научных намерениях, находиться в спорах и поиске, быть по-хорошему полемичным. Как преподаватель – должен быть академичен, спокоен, объективно излагать все точки зрения и тому подобное. А вот как эксперт – вынужден ходить «по лезвию», соотнося свои знания и убеждения с ожиданиями заказчика, который далеко не всегда заинтересован в объективности [5].

Можно и далее выстраивать характеристики профессии. Но чем больше таких характеристик, тем прозрачнее становится объект, интерес к которому и генерирует профессию религиоведа. А ведь именно отношения с познаваемым объектом, в данном случае – с религией, определяют профессиональную деятельность религиоведа.

Здесь даже уже не до определений религии. Она (религия) вдруг начинает куда-то ускользать, оставляя на поверхности худо-бедно скро-

енный аппарат религиоведения и людей, которые убеждены сами и убеждают других, что они — религиоведы. Как видим, профессия может существовать и без чёткого опознания объекта приложения профессиональных усилий. Дел всё равно хватит.

Пятое. И тут-то наступает пора вспомнить о призвании. Понятие призвания в русском варианте полисеманлично. Как сказано в начале, среди значений не только аналог веберовской трактовке, но и такой, например, смысл как мобилизация («призван в ряды»). То есть не только вдохновляющее, но и нечто обязывающее стоит за этим понятием.

Но ограничимся благородным значением призвания, когда религиоведение как призвание будет ощущением личной необходимости именно этого занятия и убеждением во всеобщей полезности личной исследовательской деятельности. Редкие случаи, когда человек посвящает большую часть своего рабочего и досугового времени одному и тому же, — скажем, вдохновенному и въедливому углублению в мир знаний о религиях, — я готов объяснять как признак призвания к религиоведению. В состоянии призванности религиовед уверен, что формулируя мысль в предложениях своего текста (книги, статьи, тезисов), он делает достойное и необходимое дело.

Много ли среди религиоведов-профессионалов таких энтузиастов? Или для большинства всё проще — есть натренированные образованием и работой мозги, есть предмет приложения для этих мозгов, есть возможность хоть как-то зарабатывать на жизнь, соединяя первое со вторым. Ну и, конечно, есть какой-то интерес к предмету (любопытная же вещь — религия).

Высказывая все эти суждения, я рискую вызвать несогласие. Но делаю это не из желания кого-то подразнить или задеть. Я сам — религиовед. И вопросы адресую в первую очередь себе. Уверен, что мысли кое о чём из сказанного временами посещают не только меня. Такое не всегда лицепрятное вопрошание, по моему глубокому убеждению, принципиально необходимо для самосознания религиоведа.

При этом у религиоведа не должно быть никаких оправдывающихся интонаций перед кем бы то ни было вовне, за то, что исследователь дерзает с научным инструментарием приступить к такой деликатной и трепетной сфере, как религия. По точному замечанию Вебера: «Ни одна наука не может доказать свою ценность тому, кто отвергает её предпосылки». Я бы добавил — и не должна доказывать своей ценности.

Один из классических авторов в истории религиоведения, голландский теолог, священник и университетский профессор Корнелис Тиле, возможно попридержав свой конфессиональный гонор, заключил труд «Основные принципы науки о религии» словами: «Истинная наука, работающая по правильной методе и правильно осознающая свои границы, не угрожает религии; <... > Только в том случае религия наталкивается на оправданное сопротивление, когда она хочет предписывать резуль-

таты и устанавливая законы тому, что может притязать на полную самостоятельность в своей собственной сфере» [8, с. 196].

Интерес и личная склонность к научному исследованию религии – это ещё не призвание. Ценность любой науки определяется социальной потребностью в ней. Ценность религиоведения определяется масштабами потребности общества в достоверном знании о религии, которое достигается научным исследованием. Не более того. Поэтому религиоведению не стоит казаться большим, чем оно есть. Но и не менее того. Поскольку в любом обществе всегда была, есть и будет потребность во вменяемом адекватном понимании религии. Для этого и существует профессия религиоведа, этому она служит и в этом её призвание.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Наука как призвание и профессия // Избр. соч. / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706, 707–735.
2. Костылев П. Н. Кто такой религиовед: критерии определения // Религия и идентичность: сб. науч. ст. и сообщений. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 3–7.
3. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. / сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. – 2-е изд. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 264 с.
4. 750 определений религии: история символизаций и интерпретации: моногр. / под ред. Е. И. Аринина. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. – 460 с.
5. Резолюция круглого стола «Проблемы религиоведческой экспертизы» (Москва, 19 февр. 2016 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/03/d33944/>
6. Религиоведение: учеб. и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. Ю. Рахманина. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 307 с.
7. Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. – СПб.: Изд-во Рус. христианской гуманитар. акад., 2013. – 365 с.
8. Тиле К. Основные принципы науки о религии / пер. с нем. Е. В. Рязановой // Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1996. – С. 144–196.